

Скончавшийся в 1884 году в г. Вильне престарелый писатель, имя которого стоит в заголовки этих строк, был близко знаком мне по соединявшей его дружбе с покойными родителями моими. Заношу здесь некоторые, хорошо известные мне, данные из его жизни, в дополнение к немногим сообщенным о нем в печати сведениям по поводу его смерти.

Павел Васильевич Кукольник родился еще в конце прошлого столетия и получил свое образование в С.-Петербурге, куда отец его -- по происхождении словак -- переселился на жительство с семейством. Он был родным братом весьма популярного в свое время писателя Нестора Кукольника, автора многих исторических повестей и драматических произведений патриотического содержания. Примыкая в 1820-х гг. к той плеяде знаменитых русских людей, к которой принадлежал его брат и в среде которой находились друзья последнего -- Глинка и Брюлов, П. В. Кукольник, не выделяясь особым творчеством своего дарования, успел, однако, приобрести себе некоторую известность в литературе своими превосходными переводами польских писателей, в особенности же поэтов Кондратовича-Сырокомли и Одынца, и этой скромною известностью своею он настолько дорожил, что сильно негодовал, если, думая сделать ему приятное, упоминали, для полноты определения, рядом с его именем более известное в литературе имя его брата. Подобного рода комментарии к своему имени он находил неуместным и считал свое самостоятельное значение в литературе достаточно упроченным.

Но не в одном только этом факте выражалась своеобразность покойного писателя. По странной причудливости своего характера он, словно, вечно находился в противоречии с самим собой, считая лучшие свои произведения -- худшими, а худшие -- лучшими.

Ничем, бывало, нельзя было более угодить ему, как попросив его прочитать его поэму "Иуда", изданную им отдельной книгой. Почтенный писатель приходил тогда в необычайный пафос и с жаром декламировал свое ничем особенным не отличавшееся и крайне растянутое стихотворное произведение. А между тем из массы написанного им, как в прозе, так и в поэзии, попадались вещи несомненного достоинства и заслуживающей полного уважения. Только такой особенности его характера следует, между прочим, приписывать и то достойное сожаления обстоятельство, что написанная им История Великого Княжества Литовского не сделалась достоянием печати и осталась неизвестною для публики. Будучи сначала учителем всеобщей и отечественной истории в виленской гимназии, а затем занимая долгое время кафедру того же предмета в виленском университете до самого закрытия последнего, П. В. Кукольник был глубоким знатоком своей специальности вообще и в частности истории края, в котором провел большую часть своей жизни. Он в совершенстве изучил все особенности страны, знал ее вдоль и поперек, пользовался неизданным материалом, рылся в частных, ему одному доступных, архивах и вложил в свой капитальный труд все добытая им долголетнею ученою деятельностью сведения и познания. Но, как уже сказано, в авторской деятельности его отражалась вся субъективность его нрава, вследствие чего его Истории Литвы не суждено было появиться в свет, так как он никогда не хотел признать за нею неоспоримого ее достоинства и ни под каким видом не соглашался отпечатать ее.

Вот все, что мне известно о его литературной деятельности. Что касается до частной его жизни, то о ней следует заметить, что популярность его в Вильне, как между русскими, так и между поляками и евреями, была громадна. Кто не знал из жителей этого города его типичной фигуры, всегда облеченной в вицмундире министерства народного просвещения, в узкие штаны со штрипками, в стоячий высокий галстук, с зачесанными на виски волосами и с неизменной сигарой во рту! Но не в одном лишь внешнем виде и старофасонном костюме заключалась его популярность: она крылась гораздо глубже... Он был истинно доброй души человек, христианин в широком значении этого слова, готовый всегда поделиться с нуждающимся, без различия его национальности, всем, чем только позволяли ему его ограниченный средства, и это располагало к нему всех, кто его знал.

По закрытии виленского университета, П. В. Кукольник служил долгое время цензором в Вильне, а за несколько лет перед смертью оставил вовсе службу, жил получаемой им небольшой пенсией, не бросал пера до конца жизни, овдовел и умер на руках одной сердобольной дамы, давнишней знакомой его семейства, посвятившей себя присмотру немощного старца. Он умер на 90 году жизни.

Прибавлю, в заключение к этому небольшому воспоминанию моему о покойном писателе, один сохранившейся в памяти моей небезынтересный эпизод из его жизни. То было еще в молодые годы его, когда он вместе с братом своим, Нестором Васильевичем, проживал в Петербурге. Однажды, когда у них по обыкновению собрался небольшой кружок близких знакомых, состоявший из лучших того времени писателей и художников, Павел Васильевич, никогда ни о чем хладнокровно не говоривший, затеял по